

ОКОПНАЯ ПРАВДА

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

ВАСИЛИЙ ДВОРЦОВ

КРЕЩЕНИЕ СВИНЦОМ

МОСКВА 2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Иллюстрация на обложке
Вячеслава Остапенко

Дворцов, Василий Владимирович.
Д24 Крещение свинцом / Василий Дворцов. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Окопная
правда Победы. Романы, написанные вьюками
фронтовиков).

ISBN 978-5-04-165214-2

Апрель 1943 года. После разгрома фашистов на Кавказе наступающие советские войска столкнулись с хорошо укрепленной обороной противника на Таманском полуострове. Чтобы получить сведения о ее слабых местах, группе дивизионной разведки лейтенанта Смирнова приказано перейти линию фронта и добыть «языка». За плечами опытных бойцов десятки рейдов в немецкий тыл. Но на этот раз им предстоит по-настоящему опасное дело, живыми из которого вернуться не все...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дворцов В.В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-165214-2

17 апреля 1943 года. Суббота.

От Советского ИНФОРМБЮРО:

В течение 17 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

На Кубани части Н-ского соединения вели активные боевые действия и на отдельных участках отбивали контратаки противника. За два дня боёв на этом участке фронта уничтожено до 4000 немецких солдат и офицеров, подбито и сожжено 17 танков, уничтожено 39 орудий, 31 миномет и более 100 пулеметов. Нашими бойцами захвачены трофеи, в числе которых 8 орудий. На другом участке противник предпринял несколько контратак. На наши позиции впереди двигались румыны, а за ними шли немецкие автоматчики. Попав под убийственный огонь советских подразделений, румыны повернули назад. Тогда немцы открыли стрельбу по своим «союзникам» румынам. Наши бойцы контрударом опрокинули противника и улучшили свои позиции. Только на этом участке противник оставил 3 подбитых танка и до 300 трупов своих солдат и офицеров.

* * *

— Дьяк, ну что, хавнем по-шустрому? Наперёд, на недельку?

Мелкий Живчик, для авторитетности никогда не расстававшийся с автоматом и пистолетом, подсел-плюхнулся вплотную, чуть толкнув под руку. Дьяк недовольно отодвинулся, но головы не поднял.

— Чего так?

— А пророчествую. Через день-другой дальняя дорога выпадает. — Живчик сдвинул пилотку на самый затылок, подвзбил жиденький сизый чубчик — гордость разведчиков. — Командир из дивизионного штаба с особистом вернулся. Да не с каким-то фуфельником, а с капитаном госбезопасности. Шас тот в наших историях полный шмон проведёт, согласно инструкции поисповедует: а насколько сильно ты Советскую власть любишь? Какие грехи тебе в коммунистическое царство войти мешают? Да, в натуре, достоин ли ты, отсталый элемент, ваще за Родину геройскую смерть от врага принять? Помытарит почище инквизитора.

Живчик достал. Дьяк отложил отвёртку, схлопнул цейсовскую лупу в бронзовый чехол. Повернулся, еще чуток отодвинувшись:

— Ты-то, мил человек, про инквизиторов что знаешь? По своей линии жизни ты только про народный да военно-полевой суды, ну, про трибунал что-то ведать можешь.

— У нас на почтовом ящике один профессор тянул, вечерами в бараке блатным книжки пересказывал. Про горбуна с колокольни и краснучку-цыганку я запомнил. Чувственная такая история. Ладно, не отвлекай: особист ноне копать глубоко станет. В один-один-тридцать-пятом полку шухер вышел, там какого-то валета раскололи, что батразведка сама завалила своего младшего летёху. Ну, понтаря желторотого, что отряд на смерть погнал. Там сейчас всех в ломбард сдали, всем расход светит, невзирая на заслуги. Ну и остальные разведки шмонают. Так что шухарись — как там древние греки базлали?

— Древние римляне. Предупреждённый вооружён.

— Вот-вот. Дёргай затвор и гребни к плите, засветим схроны с хавчиком да гуднём перед сквознячком.

Дьяк проводил взглядом уходившего Живчика. Точнее — беззвучно растворяющегося меж растопыренных, жиденько забелевших

лопающимися цветочными почками абрикосовых ветвей. Худенький, но широкоплечий недорослик с обязательным «ППШ» за плечом, во всегда чистом, щегольском камуфляже «лиственный лес — весна-осень» с отяжелёнными карманами. Бывшие блатные всегда излишне, даже для разведки, самоутверждались оружием после тюрем и лагерей с нагими шмонами и безответностью перед хамством вертухаев и брежневых. Автомат, пара пистолетов, пяток гранат и обязательный символ воровской самости — видный нож. Уставной для разведчиков «норвежского типа» обязательно доводился до воровского шика полосато-наборной плексигласовой рукоятью. Ну и какой же вор без утопленной за голенище заточки?

Однако же озадачил мазурик. Проходить даже простую очередную проверку особого отдела — головная боль вкупе с зубной. Заноза в том, что этих капитанов госбезопасности постоянно меняют. Два-три месяца — и новый. Понять-то идею такой ротации можно, да вот принять сложно. Каждый новоявленный предавался исполнению служебных обязанностей до фанатизма, добиваясь отличной отчётности с обязательным выявлением шпионов и склон-

ных к дезертирству. И уже прошерстившие твою подноготную предшественники, не нашедшие ничего преступного или даже предосудительного в твоих поступках, для них ничего не значили.

Не привинчивая, просто вернул на место верхнюю панель немецкого передатчика, закрыв крышку, поставил алюминиевый ящик на два таких же — с приёмником и блоком питания. Отличный такой аппарат «SE 108/10», мощный, лёгкий, ест мало. Немцы многое продумали, даже маркировка на английском: если агента перехватят, ещё не доказано, чей он. Может, союзник. Спасибо пехоте за подарок, жаль, приёмник осколок насквозь продырявил, схема и две лампы закапутились.

Две кривые, из полубрёвен, мощные скамьи, на которых Дьяк расположил на изучение и разбор снятый с подорвавшегося на mine мотоцикла трофей, не сданный дружелюбной пехотой «куда следует», а выменянный разведчиками на пол-ящика фашистской тушёнки и два блока сигарет, стояли в абрикосо-сливово-вишневом саду за заглублённой возрастом в землю крестьянской хатой, плотно забитой тыловой службой всякой всячиной,

нужной и для ведения боевых действий, и для отдыха. Дьяк успел заглянуть одним глазком, когда получал батареи: чего там ни сложилось в ящиках и коробках до потолка — от конской упряжи, мыла, хлора, канистр, фляг, скобяного и шанцевого инвентаря до энзэшной зимней амуниции. Даже блестели трубами два старинных граммофона.

Кухня и блок питания располагались ниже метрах в двухстах, над самым оврачком под местными кривыми, длинноигльчатými соснами. Когда-то это была хуторская лесопилка, от которой остались лишь саманные, как и у хаты, некогда белёные стены. Потолок они накрыли брезентом, замаскировали ветками, оконные проёмы затемнили. Полы земляные, но по-весеннему ещё без блох. Зато сохранилась настоящая варочная печь, теперь радостно окружённая баками, ведрами, столами и лавками. Места оказалось достаточно даже для маленькой, но настоящей баньки. Ниже пищеблока, почти на самом дне заросшего орешником и акациями оврага вольно разметались прикопанные палатки — каре из восьми четырёхместок для бойцов и по центру

командирская, в которой нынче и будут в головах шарить.

В разведывательной роте триста тридцать девятой стрелковой дивизии их второй взвод числился штабным резервом, они, можно сказать, были элитой — за каждым такая боевая биография, что хоть ежедневно заметки в «Огонёк» и «Красную звезду» посылай. С фотографиями. Потому располагались они под рукой командования, и обед им подвозили чуть ли не одновременно с комдивом полковником Кулаковым. Лучше квартировал и харчевался только полуэскадрон конной разведки, который вообще был личным эскортом комдива и начштаба.

Так что ротный повар лишь доваривал-дожаривал выданное сверх нормы зампотылом из общаковых трофейных припасов — на сегодня это были гороховые лепёшки с маргарином. Да поддерживалось постоянное кипение в баке — верная примета того, что ушедших на задание здесь дождутся. Всех дождутся.

За столом их отделения уже полный сбор. И за двумя другими тоже плотно — секретная весть о скором задании разлетелась мгновенно. Ели молча, черпали споро, старательно выца-

рапывая остатки ложками, коротко перебрасываясь редкими малозначащими фразами. Даже обожавший всеобщее внимание Живчик только зыркал по сторонам из-под чуба, по-лагерному накрывая котелок всем телом.

— Всё, бойцы. На перекур! — Старшина Воловик, в свои сорок два, естественно, воспринимаемый всеми отцом-верховодом, рывком затянул кожаный офицерский ремень, поправил кобуру и ножны. Тыльной стороной ладони он привычно разогнал по верхней губе, всем на зависть, как у моржа, вислые усы и с нескрываемой нежностью прогладил введённые два месяца назад погоны. — Айда наверх, за хату.

Дьяк, в три затыжных глотка опустошив кружку и поблагодарив дежурного, поспешил за своими. Хотя чего спешить-то? Без него всё решат, ему только кивнуть с умным видом. Обходя разорванный прямым бомбовым попаданием немецкий полугусеничный пушечный тягач «Ганомат», задержал дыхание — трупы фрицев захоронили, но запах сгоревшего человеческого жира неистребим.

Апрель на Кубани ломал все его предыдущие представления о весне. Дома-то, в Томской области, сейчас только-только сугробы осели,

вдоль дорог с солнечной северной обочины грязно вычернели ледяные соты-коросты. Да narосли полутораметровые сосульки — с крыш до земли. Ещё, поди, свиристели и снегири в тайгу не улетели. А здесь уже цветы распускаются. И это же подумать только — на абрикосах! На абрикосах, господи помилуй. Молодая, явно озимая, какая-то вся кружевная травка плотно покрывала давно просохшую землю. Даже вспомнить страшно, какая в России в апреле гиблая распутица. Жуть. К тому же у Дьяка была особая причина не любить грязь: из-за проклятой жижи прошлым октябрём он поймал снайперскую пулю. Тянули связь, два-три шага, и сапоги от тебя отставали. Вот он и задержался на долю секунды, не торопясь падать животом, влипая руками по локти в эту тестообразную ледяную глину. Доля секунды — и вот теперь чешется рубец вдоль левых рёбер.

Нежные веточки, увешанные расщелившимися почками, холодно-скользко гладили лоб и щёки, ноздри сладко щекотал дух сочащейся под солнечным давлением смолки, кружащий под ногами голодный, обиженно толкающий всё на своём пути шмель давил сочувствие. Выселок, в котором они расположились,

укрывался от пылящего, гудящего и гремящего шляха двумя километрами всхолмленных зарослей орешника. И если бы не рваная, сбивающая ритм канонада, уже четверо суток не смолкающая вокруг невидимой за горой Абинской, да не пролетевшие с утра туда-сюда восемь раз советские штурмовики и немецкие бомбардировщики, то как бы сейчас получилось — хоть на несколько минуточек! — отдаться бездумному весеннему восторгу. Зацветающие абрикосы, толкающийся шмель, молодая сильная травка...

Так как Кырдык и Пичуга были в наряде, то курильщики разделились три на три: Старшой, Сёма и Ярёма против Копоти с Живчиком и примкнувшим к блатным Лютым.

Для тех, кто не знает списочного состава: Старшой — командир отделения, младший сержант Воловик Тарас Степанович тысяча девятьсот первого года рождения, успевший ещё на Гражданскую, а между войнами бригадир столяров-краснодеревщиков в Нижнем-Горьком. Кырдык — Ильяс Азаткулов, местный пастух-ногаец, теперь минёр, кажется, двадцати пяти ещё нет, хотя кто точно определит возраст

степняка? Сёма — их чудо-снайпер с Дальнего Востока, по документам Калужный Семён Семёнович тысяча девятьсот восемнадцатого года рождения. Ярёма — богатырь, ялтинский портовый грузчик Ерёмин Мирон Никифорович с двенадцатого года. Пичуга — и правда, как малая птичка, худосочный московский студент-филолог Клим Пичугин, хорошо, если уже есть двадцать, но знание немецкого языка — и в разведку. Противную сторону представляли два вора — рецидивист-скокарь Копоть — Шигирёв Прохор Никитович тысяча девятьсот девятого года рождения в лихославном городе Орле, беспризорник, за три ходки накопивший тридцать четыре года по статье сто шестьдесят второй, и Живчик — ярославский вор-сопчик Гаркуша Яков Иванович семнадцатого года, почти отмотавший десятку, да получивший довесок за попытку побега. Почему к ворам присоединился грозно звучащий Лютый? Ну, на самом-то деле — Лютиков Антиох Аникиевич, пермяк, сын священника, с семьёй сосланного на поселение в Казахстан, оказавшийся в армии после письма к товарищу Калинин у с прошением разрешить ему с оружием в руках защищать родную Советскую власть. Но Лютый

точнее прилегало к широкоскулому и широкобровому блондину гимнастического сложения, боксёру, борцу и мастеру метания ножей, лопатки и топора.

Тогда уж и о Дьяке! Шутки шутками, но действительно дьякон Русской Православной Церкви, рукоположенный архиепископом Варлаамом Ряшенцевым, отец Димитрий — Димитрий Васильевич Благословский тридцати лет, родом из Томска. Здесь, в разведке, радист, до того — рядовой третьего взвода пятьдесят шестого отдельного батальона связи двадцать четвёртой стрелковой дивизии. В армии с января сорок второго — тогда вышедшую из окружения, страшно поредевшую четырёхста двенадцатую срочно переформировывали в двадцать четвёртую, и его, работавшего на вологодском оборонном заводе, зачислили в батальон связи, не глядя на «бронь» и сан. В марте дивизию перекинули под Тамбов в резерв Ставки, а четырнадцатого декабря выгрузили в Калаче и форсированным маршем вывели на реку Мышкову на позиции обороны Сталинграда. Так что первая беседа рядового-дьякона Благословского с особистом состоялась только в госпитале. Если бы поставленного на особый учёт тогда не забрал

к себе в дивизионную разведроту лежавший рядом лейтенант Смирнов Александр Кузьмич, которому второй орден Красного Знамени генерал Шумилов вручал прямо в палате, то кто знает, чем бы всё закончилось.

В разведке всегда только добровольцы. Первые наборы были идейно-комсомольскими, но на второй год войны потери среди героически страстных, но недообученных, да и зачастую психически и физически непригодных заставили командование внести коррективы. С января сорок второго в армию из лагерей стали набирать осуждённых по уголовным статьям на срок не более двух лет, а потом пошли и все желающие, кроме политических. В пугающие уже одним только названием штрафбаты направляли не более десяти процентов из самых конченных головорезов, основная же масса «прощённых Родиной» комплектовала пехоту. На желание перевестись в разведку писали рапорты, ведь если жизнь и смерть пехотинца были в замыслах командования, то у разведчика они больше зависели от собственного ума и сноровки. Так что тут встречались бойцы с опытом от самого июня сорок первого.

В их роте, кроме самого старшего лейтенанта Смирнова, из таких первых комсомольцев на весну сорок третьего служили трое, и авторитет их был беспрекословен. Даже для воров.

Понятно, «на перекур» сказано фигурально, курящие в лесу некурящими отслеживаются метров за пятьдесят-семьдесят. Просто здесь, за хатой, можно было «перетереть» без лишних глаз и ушей. Спор повёлся тактико-стратегический, по принципам прохождения «бесед». Старшой предлагал ничего не менять и являться чётко по приказанию, то есть в азбучном порядке от «а» до «я». Копоть же хотел немного помутить — мол, кто-то в наряде, кто-то у врача и прочее, прочее, чтобы ему с его «ш» оказаться посреди «а» и «б». По логике Копоти, капитан на первых порах особо рыть не станет, надеясь всё равно до конца дня кого-то в виноватые назначить. Поэтому пусть первыми чистилище пройдут рябые. А в конце предъявить ему самых бело-невинных, типа Пичуги и Кырдыка. Логика убедительная, однако если капитан подвох учует, а он, по породе своей борзой, обязательно учует, то тогда горюшко на всех ляжет.

Копоть кашлянул, и Живчик махом поднял на колени тяжко звякнувший вещмешок. И это было ошибкой. Принципиальной. О том, как неделю назад, когда рота только располагалась в пункте дислокации, обживалась, копала дозорные и огневые точки, минировалась, а блатные куда-то по ночам отлучались, знали все. Что-то из раздобытого в блиндажах и сχροнах выбитых фашистов воры внесли в общий котёл, но, понятно, что-то и замагатили. Ну, это их натура, а с другой-то стороны, деловые всерьёз рисковали подорваться или попасться патрулю, так что осуждать их было сложно.

Только вот сейчас мазурики лопухнулись. Грубовато вышло. Так с товарищами по оружию поступать не стоило. От «фронтовой» — коричневого французского коньяка с розовой консервированной колбасой и хрупкими галетами — никто не отказался, но переходить на сторону мутильщиков теперь даже и не думали. Вроде как купленные получают. Не задорого. Так что и поддакивающий до того Копоти Лютый замялся.

— А ты, Дьяк, как мыслишь? — Копоть щедро плеснул в кружку коньяк, а Живчик выложил на левую ладонь толстый кружок колбасы на галете. — Тебя, понятно, на «б» из первых позо-

вут, но дело не в личном фарте, а в понятиях для братвы. Если мы с Живчиком на войне по правилам, то ты да Лютый, вообще, висельники политические. Вам контрреволюцию за папу-маму враз навесят. И кто тогда за вас встрянет, если не мы? Не все мы?

Копоть почти улыбался криво подрагивающим ртом, только ледяной чёрный взгляд по-лагерному никогда не опускаемых глаз выдавал всё его быкование. Как же он сейчас проклинал себя за то, что затеял публичное бодание со Старшим, вполне понимая, что, скорее всего, проиграет, и теперь всё его бластное самолюбование пылало от унижения.

— Да, Дьяк, что ты думаешь?

Ярёма осторожно, с оглядкой, как это делают сильные люди, привстал со скамьи, пересел на край, освобождая место подошедшему. Радист и повар — кадры особо оберегаемые, но Дьяк умел уже различать отношение к себе как к личности и как к носителю сундучка с зайцем-уткой-яйцом-иглой товарищеских жизней, ранений, смертей, засад, а главное, смыслов общей разведывательной работы.

— Думаю, что не стоит всем суетиться. Пусть у всех идёт, как прописано. А вот мы с тобой